

А. А. МУРАШОВ

*Гродненский государственный университет имени
Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь)*

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.12-51

КРЕАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ: КАЛАМБУР

Аннотация. В статье излагается информация о каламбуре как средстве языковой игры, в том числе в лингвопсихологическом и методическом смыслах – как воплощении творческой активности и её применения в образном контексте. Показана одна из причин возникновения каламбура, реализующаяся в речи детей дошкольного возраста. Предлагается и обосновывается методический прием использования каламбурных контекстов в процессе занятий в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: каламбур, креативность, контекст, языковая игра, коммуникативный процесс, творческое мышление.

Каламбур – одновременная реализация в слове нескольких значений, экстериоризируемая контекстом. Он отличается от простой двусмысленности как речевой ошибки, при которой добраться до смысла высказывания оказывается непросто. Но двусмысленность – простое нарушение коммуникативного облика речи, имеющей, по замыслу автора, все-таки один смысл, затуманенный неверной формой слова или ущербной организацией фразы («Сотрудник услышал критику журналистов»; «Только приказ директора и выручил»; «Ликвидировали подозреваемых в убийстве полицейских»). Каламбур, напротив, создается сознательной авторской интенцией – так, заголовок «В Питере даже электрички без тормозов» венчает статью, рассказывающую о петербургской электричке, у которой на подходе к вокзалу отказали тормоза. «Без тормозов» здесь – результат авторской языковой игры, основанной на сближении в сознании читателя разных значений сказанного («без тормозов»). Восприятие каламбура – явление, близкое восприятию интертекстуальных структур: рецепция, идущая сразу по двум каналам, нередко сопоставляет имеющуюся, прецедентную информацию (тему), и

ту, которая оказывается новой (ремой). Рассуждая о восприятии дискурса, А. А. Брудный замечает, что «какая-то часть его содержания уже находится или, по крайней мере, должна находиться в сознании читателя» [Брудный 1998: 163]. Текст, лишаящийся ставшего стандартным вербального и интенционального окружения, ведет себя «как информант, перемещенный в новую коммуникативную ситуацию» [Лотман 1992, т. I: 132]. Каламбур – возможность одновременного воздействия разных речевых ситуаций (контекстов) на высказывание; оно определяет их имплицитный диалог, сталкивающий смыслы и рождающий новую семантическую реальность, круто изменяющую возможные перспективы восприятия. У А. Вознесенского читаем:

Притормозила бюрократическая машина.

За варёнками. Для сына.

Вторая строчка возвращает метафоризированной «машине» (во фразеологизме «бюрократическая машина») реальный физический облик; в этом столкновение уже ставшего ясным метафорического – и нового, деме­тафоризирующего, – так возникло каламбурное осмысление ситуации. У того же автора: «Пол-Шестова и пол-Бердяева»; первая «половина» включает взаимодействие омофонов (полшестого – пол-Шестова), также приводя к каламбуру, в устной речи он сохранится, становясь отчетливее в контексте («пол-Бердяева»).

Каламбур – языковая игра, обнажающая подсознательно (для читателя) и вполне осознанно (для автора) обнаруживающуюся связь слов и их словосочетаний в целенаправленно организованном речевом потоке. Во многом возникновение каламбура в речевой практике объясняет ученый, говоря об ассоциациях и связях, окружающих понятий в интеллектуальной деятельности: «Так как такие связи могут различаться по интенсивности, <...> то они способны «менять» нормальный характер понятий. Последнее может приобрести совершенно отличный смысл, если сместится ниже уровня сознания» [Юнг 1991: 42]. Каламбур – столкновение прецедентного и нового, сознательного и подсознательного; разных ситуаций, разных контекстов, за которыми, неожиданно для воспринимающего, обнаруживается новая семантическая реальность, обязанная своим возникновением спе-

цифике языковой игры.

Рассмотрение каламбура психологически и методически оправдано различными ситуациями учебных занятий в вузе. Не языку как семиосистеме мы должны учить: её осмысление придёт, когда студент почувствует, что он «встроен» в язык, когда он ошутит себя вовлечённым в сложные и многогранные коммуникативные процессы. Тогда освоение языка будет происходить не как освоение индифферентной к личности системы знаков, а как адаптация к информационной среде, в чем коммуникативно импульсированный (ситуациями взаимодействия с собеседниками и школьным преподаванием) студент заинтересован.

Креативность в преподнесении материала и организации коммуникативного процесса может иметь различные формы. Например, это создание и проведение теле- или радиопередачи, планёрка редакции газеты, проведение экскурсий, соревнование творческих экипажей. Такая работа может быть организована на всех учебных занятиях; её неперемные условия – движение от менее сложного к более сложному, от воспроизведения к творчеству; постепенное движение к изменению авторского «я», к увеличению элемента импровизации, к большей творческой самостоятельности.

Анализ каламбуров, предъявляемых в различных сочетаниях слов, также может привести к формированию перспективных учебных схем, отражающих конструктивные закономерности и образную специфику того, что называют языковой игрой. Каламбуры Н. Богословского («У некоторых Робинзонов бывает семь Пятниц на неделе»; «Бывает, что и депутаты Думы совершают бездумные поступки»), А. Кнышева («Вкальваю с утра до вечера!» – жаловался наркоман»; «Больной нуждается в уходе врача, и чем дальше врач уйдет, тем лучше»), других мастеров образной речи – могут служить для развития «чувства слова» – качества языковой личности, формирующего личность риторическую, то есть такую, которой ведомы смысловые нюансы разных элементов творчески организованного текста.

Создать каламбур «по заказу» едва ли возможно: требуется «выброс» подсознательно усвоенных смысловых отношений; это сродни вдохновению, которое менее всего поддается регла-

ментированию. Однако модель каламбура, языковая схема, лежащая в основе его как некоего «бинома фантазии», сближающего омонимы в целенаправленно организованном контексте, может стать если не предметом обсуждения, то моделью потенциальных высказываний. Так, командам («творческим экипажам») студентов предлагается «завершить» фразы, вставив слова на месте многоточий, – но так, чтобы получился каламбур, теоретическое освоение которого было завершено. «Чем больше в книге воды, тем она...» «Глубже», – продолжает фразу автор, А. Кнышев. Разные смысловые перспективы этого слова и определяют каламбурную сущность получившегося высказывания. «А что касается войн Алой и Белой розы, то это были только ...» «Цветочки», – завершается фраза у Ф. Кривина. У него же – каламбур, основанный на взаимодействии собственного и фразеологически мотивированного значений: «...И тогда Демосфен выплюнул свои камни и набрал в рот ...» «Воды», – завершает он фразу. «Для того, чтобы быть полезным, не обязательно стать ...» Авторское – «ископаемым» (Ф. Кривин). Безусловно, при выполнении такого задания не требуется «завершить» фразу, интуитивно или аналитически находя слова авторов: важно, чтобы в ней был каламбур, а окажется он фактическим восстановлением высказывания или нет, – не принципиально. «Воспитание творческих способностей в человеке основывается на развитии самостоятельного нестандартного мышления, – считает исследователь, – поэтому необходимо давать обучаемым речевую свободу...» [Сидорович 2015: 41]. Творчество ли это – завершить каламбур, кем-то и когда-то сформулированный? Разумеется, нет, но это зерно будущих творческих процессов; вот почему важна плюралистичность возможных решений, что и проявляется при организации работы в форме конкурса, когда возможных ответов может быть множество – важно лишь, чтобы получившаяся фраза действительно содержала одновременную реализацию разных смысловых граней слова.

Итак, каламбур возникает вследствие погруженности слова в разные контексты, где оно, принимая разные же смысловые рефлексии, обнаруживает семантическое расподобление, чаще – неожиданное для слушающего (читающего). Коммуникативное намерение автора передается при этом через столкновение стан-

дартного, традиционного – и метафорического (фразеологически мотивированного), составляющего специфику контекстуальной валентности слова. «Завершение» каламбурной фразы разными участниками творческого конкурса обнаруживает этапы возникновения и восприятия языковой игры, что гораздо важнее для психолингвистической интерпретации каламбура, чем исследование теоретических понятий. Сравним варианты ответов, полученных при попытке завершить небезобидную фразу А. Кнышева: «Кровавое воскресенье показало, что царь стрелял не только по рабочим, но и по ...» «Крестьянам, матросам, детям» – первый этап, на котором интерпретация происходит вне контекстуального смысла слова, а значит, каламбур невозможен, как и любая креативная деятельность. На втором этапе осмысления подтекстовая информация доминирует, и звучит тот самый ответ, который был в усеченной авторской фразе: «По выходным». Одно комплементарное соотношение: рабочие – крестьяне (матросы, дети). Другое, порожденное иной контекстной реальностью («дни»): рабочие – выходные (на это указывает «воскресенье»). Смысл фразы меняется: из упоминания об историческом событии она оказывается его вышучиванием (что, повторяем, небезобидно). Однако схема восприятия и последующего креативного осмысления языковой игры предстает при этом достаточно зримо и четко.

Каламбур и при создании, и при восприятии предполагает интенсивный творческий поиск, с балансированием на грани сознательного и подсознательного. В детской речи обнаруживается еще один фактор каламбурного осмысления понятия – и создается этот фактор последовательностью восприятия, противоречащей тому, что мы назвали бы стандартным и традиционным. Так, 7-летний ребенок, которому известно пристрастие отца к сигаретам «Золотое руно», недоумевает, услышав миф об аргонавтах: «Так все вместе и поплыли за сигаретами?!» Разглядывая полотно «Похищение Европы», его сверстница недоумевает: «Где же тут Европа? И как вообще можно украсть целую часть света?» 6-летний ребенок, услышав о цветущем лотосе, удивлен: «Разве стиральный порошок может цвести?» – и озадаченно смотрит на мать, только накануне купившую стиральный порошок «Лотос», о чем сообщила сыну, взглянув на его испач-

канную рубашку. Девчушка, дошкольница, узнав о государстве под названием Панама, выдвигает предположение: «Это потому, что там все ходят в панамках?» Сверстница, услышав от родителей, что «вьетнамки не бывают большими», удивленно замечает: «А у мамы как раз большие», – показывая на ее летнюю обувь. Во всех этих примерах производное значение было усвоено детьми раньше прямого, что непроизвольно потенцирует каламбур, остающийся латентным на грани традиционного употребления слова и его переносного смысла, усвоенного ребенком. 8-летний ребенок уверенно иллюстрирует пушкинское «Ночной зефир струит эфир», услышанное по радио. Значения слова «эфир» он не знает; но ему достаточно повторить изображение с коробки зефира в шоколаде, чтобы, по его мысли, иллюстрация к пушкинским строкам вполне состоялась – как раз такая, какую сделал бы взрослый. Нужно ли говорить о том, что первичного значения слова «зефир» он попросту не знал, познакомившись лишь с производным – с тем, которым атрибутируется сладкое лакомство?

Во всех приведенных случаях дети, не зная об этом, предвосхищают каламбур – виновной оказывается нарушенная последовательность восприятия феноменов, сталкивающая в сознании ребенка прецедентное и новое. Значение слова – тропа к сознанию его употребляющего. Первичным значением оказывается то, которое утверждено постоянной речевой практикой. А когда в повседневном словоупотреблении первичным смыслом оказывается производный, – это указание на потенциальную возможность каламбура, если специфике языкового сознания личности развернуть в коммуникативную ситуацию. Семантические дефекты, рожденные нарушенной последовательностью восприятия явлений окружающего мира, могут развернуться в языковую игру, если будет создана соответствующая творческая ситуация.

Когда ставшее привычным (прецедентным) осмысление слова вступает в противоречие с его новым значением, открывающимся неожиданно, – языковое сознание личности испытывает нечто вроде потрясения, а значит, почти непременно – рождение той животворящей креативной энергии, которая вызывает к жизни ранее неведомые смысловые перспективы. Этот этап проходят и дети, узнающие о новых семантических возможно-

стях привычных им слов, и студенты, после воспроизведения творческих моделей каламбуров делающие их достоянием собственной речи. Иногда оказывается, что неумение увидеть все векторы, образующие языковую игру, заставляют краснеть – именно это случилось, например, с персонажами «Мастера и Маргариты», узнавшими, что «разоблачение совершенно необходимо», но не уловившими возможности по-разному осмыслить это «разоблачение».

Каламбур – не просто явление речи. В нем – фактор творческого мышления, творческого пересоздания слова и фразы; понимание этого означает восхождение личности на новую ступень мироосмысления, для человека, сфокусированного в словах и высказываниях. Язык помогает «переступить пределы непосредственно данного индивидуального опыта и приобщаться к более общепринятому пониманию окружающего мира» [Сепир 1993: 226]. Творческое применение языковых возможностей – как раз обратный путь: от общепринятого – к индивидуальному, будь это образ, смысловой контекст или внутренняя форма слова. А значит, путь к пониманию и воплощению потенциалов слова в творческой деятельности, в языковой игре – верный путь развития креативной энергии человека, знакомого с потенциалами языковой системы и умеющего увидеть нюансы общепотребительного – в их образной индивидуализированности.

ЛИТЕРАТУРА

- Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. – М., 1998.
- Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. – Таллинн, 1992.
- Юнг К. Г.* Архетип и символ. – М., 1991.
- Сидорович З. З.* Открытые задания и их роль в формировании творческой личности // Модели коммуникативно- деятельностного подхода в преподавании лингвистических дисциплин. – Гродно, 2015.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

©Мурашов А. А., 2018